

стических любовных сценок из купеческого или дворянского семейного быта.¹ Не безынтересны интермедии, рисующие рыночные сцены с обязательными образами мошенника, ярыги и цыгана.² В них следует отметить образ крестьянина-сапожника, пришедшего в город на заработки,³ и обедневшего купца, которого разорили „компанейщики“.⁴ Любопытна, повидимому, украинская интермедия о сказывании сказки-небылицы цыганом.⁵

Большинство интермедий данного сборника отличаются ясно выраженным антидворянским и антицерковным направлением. Можно думать, что именно обострение классовой борьбы к середине XVIII века привело к такому усилению этих тенденций в рассматриваемых интермедиях.

Вторая особенность данного сборника состоит в том, что в его составе наряду с типичными интермедиями в виде одной простейшей сатирической сценки с диалогом двух-трех персонажей встречаются также более сложные произведения (из трех, пяти и более сцен), являющиеся, собственно говоря, небольшими бытовыми комедиями. Такова в первую очередь „Интермедия о свадьбе однодворцовой дочери“, представляющая попытку показать на сцене сватовство, смотрины и свадьбу — основные звенья народной свадебной драмы. К сожалению, эта пьеса сохранилась в виде части ролевых списков (отца невесты, невесты, жениха, дружки-цыгана), причем недостает целиком двух ролей: свахи и попа Авери.⁶

Третьей особенностью интермедий данного сборника является связь их с традициями устной народной драмы XVIII века. Отголоски последней дошли до нас либо в отдельных фрагментах на лубочных картинках той поры, либо в позднейших записях, не всегда точно воспроизводящих ее первооснову.

Антидворянская тенденция находит в интермедиях разнообразное выражение. В интермедиях на тему „развращения нравов“ подчеркивается, что обман, бытовой разврат, полная распущенность — обычные явления именно в дворянской среде. Рядом с девушкой-дворянкой, замужней женщиной или вдовой-дворянкой в интермедии постоянно помещается образ „любителя“ и старухи-сводни.

В интермедии высмеивается пристрастие дворян — „шляхетства“ — ко всему чужеземному и пренебрежение к родному языку. „Мне не хочется по-русски говорить“, заявляет дворянин („шляхта“) своей жене и требует, чтобы она училась иностранному языку (см. публикуемый текст).

Отчетливо и ясно звучит антидворянская тенденция в интермедиях, рисующих образ „голового барина“, хорошо известный народной драме. В издаваемой ниже интермедии „шляхта“ Елисей, знакомясь со зрителями, так рекомендует себя:

... я был великого роду.
Зачастую пивал на Москве-реке воду,
Не знаю, которого и году.
Однакож родня-та моя и ныне велика,
Даром, что я подпоясан лыком.

¹ Сборник Титова № 1627, лл. 11 об.—15, 17—19, 24—24 об., 34—36 об.

² Там же, лл. 25, 25 об., 26 об.

³ Там же, л. 26 об.

⁴ Там же, л. 28 об.

⁵ Там же, лл. 10—11 об.

⁶ Разметка чередования всех реплик в списках ролей позволяет реконструировать текст интермедии, оставляя пробелы на месте отсутствующих реплик.